

РЕАЛИИ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Статья посвящена вопросу определения понятия переводческой эквивалентности, а также сущности реалий как особого класса безэквивалентной лексики. Установлено, что все типы семантических соответствий между лексическими единицами языка оригинала и языка перевода можно свести к трем основным: 1) полное соответствие; 2) частичное соответствие; 3) отсутствие соответствия. В статье рассматриваются подходы к определению безэквивалентной лексики в целом и реалий в частности. Отмечается, что реалии, являясь носителями страноведческой и культурно обусловленной информации, требуют особого подхода при переводе.

В первую очередь представляется важным определить, каким образом могут быть соотнесены единицы языка перевода (ПЯ) и исходного языка (ИЯ). Так, Л. С. Бархударов полагал, что «основная проблема, с которой сталкивается переводчик при передаче референциальных значений, выражаемых в исходном тексте, – это несовпадение круга значений, свойственных единицам ИЯ и ПЯ» [1, с. 74]. Следует пояснить, что референциальное значение здесь понимается как «отношение между знаком и референтом» [Там же, с. 64], т.е. отношение между означающим и означаемым (в данном случае – лингвистическим знаком (словом) и понятием, которое этот знак обозначает). Не существует двух различных языков, у которых смысловые единицы – морфемы, слова, устойчивые словосочетания – совпадали бы полностью во всем объеме своих референциальных значений. Хотя сами выражаемые значения («понятия») в большинстве своем совпадают, но способы их выражения – их группировка, членение и объединение, их сочетание в пределах одной формальной единицы (или нескольких единиц), как правило, в разных языках расходятся более или менее радикальным образом. Это особенно ярко можно продемонстрировать на материале словарного состава двух различных языков – в нашем случае русского и английского. Хотя носителями референциальных значений являются не только слова, все же удобно брать именно слово как единицу сопоставления при сравнении семантических единиц разных языков; поэтому в дальнейшем изложении речь пойдет о русских и английских словах. Однако надо иметь в виду, что отмечаемые нами типы расхождений между семантическими системами разных языков не ограничиваются словами, а характерны также и для других языковых единиц (например, для грамматических морфем). В целом все типы семантических соответствий между лексическими единицами двух языков можно свести к трем основным: 1) полное соответствие; 2) частичное соответствие; 3) отсутствие соответствия.

Рассмотрим эти три случая в отдельности, учитывая, что для теории и практики перевода особый интерес и трудность представляют собой два последних случая (частичное соответствие и полное отсутствие соответствия).

Л. С. Бархударов отмечает, что «случаи полного совпадения лексических единиц разных языков во всем объеме их референциального значения относительно редки. Как правило, это слова однозначные, то есть имеющие в обоих языках только одно лексическое значение; число их, как известно, по сравнению с общей массой слов в лексиконе языка относительно невелико» [1, с. 75–76]. Сюда можно отнести слова, принадлежащие преимущественно к следующим лексическим группам.

1. Имена собственные и географические названия, входящие в словарный состав обоих языков, например: *Гомер* – ‘Homer’, *Москва* – ‘Moscow’, *Польша* – ‘Poland’ и т.п.

2. Научные и технические термины, например: *логарифм* – ‘logarithm’, *шестигранник* – ‘hexahedron’, *водород* – ‘hydrogen’, *натрий* – ‘sodium’, *млекопитающее* – ‘mammal’, *позвонок* – ‘vertebra’, *крестоцветный* – ‘cruciferous’, *протон* – ‘proton’, *экватор* – ‘equator’, *вольтметр* – ‘voltmeter’ и т.п.

3. Некоторые другие группы слов, близкие по семантике к указанным двум, например, названия месяцев и дней недели: *январь* – ‘January’, *понедельник* – ‘Monday’ и т.п. Сюда же примыкает такая своеобразная группа слов, как числительные: *тысяча* – ‘thousand’, *миллион* – ‘million’ и т.п.

Более распространенный случай имеет место, когда оба слова – в ИЯ и в ПЯ – имеют как совпадающие, так и расходящиеся значения. Так, русское *стол* и английское *table* совпадают только в значении ‘предмет мебели’, но расходятся в других: у русского *стол* есть также значения ‘еда’, ‘пища’, (например, ‘стол и квартира’, ‘диетический стол’) и ‘учреждение’, ‘отдел в канцелярии’ (например, ‘стол находок’, ‘паспортный стол’), которые отсутствуют у *table* и соответственно передаются в английском языке словами *board, food, cooking, diet* и *office, department*. С другой стороны, английское *table* имеет значения, отсутствующие у русского *стол* и передаваемые в русском языке словами: *доска, плита, таблица, расписание, горное плато* и некоторые другие. Второй пример: русское слово *дом* совпадает с английским *house* в значениях ‘здание’ и ‘династия’ (например, *дом Романовых* ‘the House of Romanovs’), но расходится в других: у русского *дом* есть также значение ‘домашний очаг, жилье’, которое соответствует уже английскому слову – *home*, а также значение ‘учреждение’, ‘предприятие’, в котором оно переводится по-разному, в зависимости от того, о каком именно учреждении идет речь: ср. *детский дом* – ‘children’s home’ или ‘orphanage’, *торговый дом* – ‘(commercial) firm’, *исправительный дом* – ‘reformatory’, *игорный дом* –

‘gambling-house’ или ‘casino’, *сумасшедший дом* (разг.) – ‘lunatic asylum’ и т.п. Английское *house* также имеет целый ряд значений, отсутствующих у русского слова *дом*, например, ‘палата парламента’ (‘the House of Commons’), ‘театр’, ‘аудитория, зрители’, ‘представление, сеанс’ и т.п. Число такого рода примеров нетрудно увеличить. Л. С. Бархударов полагает, что «подобный вид отношений между словами двух языков, появляющийся, как было отмечено, наиболее обычным случаем, мы можем назвать пересечением» [1, с. 77–78].

Из сказанного здесь о семантической недифференцированности знаков одного языка по сравнению с другим не следует, конечно, делать вывод, что тот или иной язык «не в состоянии» обозначить то или иное понятие и в этом отношении «менее развит», чем тот язык, в котором есть особый знак для данного понятия. Любой язык в состоянии обозначить принципиально любое понятие – речь идет лишь о разных способах такого обозначения. Для перевода данное явление, как и многозначность, представляет трудность в том отношении, что при передаче слова, семантически недифференцированного в ИЯ, необходимо произвести выбор между возможными соответствиями в ПЯ [Там же, с. 84].

Наконец, третий возможный случай взаимного отношения лексики двух языков – это полное отсутствие соответствия той или иной лексической единице одного языка в словарном составе другого языка. В этих случаях принято говорить о так называемой безэквивалентной лексике (БЭЛ). По Л. С. Бархударову, «под безэквивалентной лексикой имеются в виду лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания) одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка» [Там же, с. 94]. Сюда относятся в основном следующие группы слов.

1. Имена собственные, географические наименования, названия учреждений, организаций, газет, пароходов и т.п., не имеющие постоянных соответствий в лексиконе другого языка. Например, при просмотре газеты нам встречаются такие русские фамилии, как *Белоусов, Карпиков, Камозин, Пушнова, Цыкунов, Зубенко, Ольштынский, Данченко, Суходольский* и т.п., а также такие названия населенных пунктов, как *Бахмач, Алексеевка, Лисовичи, Урусобино, Гаврилово-Посад* и т.п. Естественно, никаких эквивалентов этим словам в английском языке нет, в отличие от таких фамилий, как *Пушкин, Достоевский*, или таких географических названий, как *Москва, Киев, Крым* и т.п., которые уже давно получили устойчивые эквиваленты в словаре английского языка: ‘Pushkin’, ‘Dostoevski’, ‘Moscow’, ‘Kiev’, ‘Crimea’ и т.п. Таким образом, не всегда можно провести четкую черту между безэквивалентными именами собственными и теми, которые имеют в словаре другого языка постоянные соответствия – то или иное имя

собственное или географическое наименование, вначале не имевшее эквивалента в другом языке, может затем, неоднократно встречаясь на страницах периодической печати или художественной литературы, получить такое соответствие, причем точно установить время, когда окказиональный эквивалент перешел в узуальный, то есть устойчивый, не всегда возможно. Однако в целом можно считать, что к числу безэквивалентной лексики относятся имена собственные и названия, малоизвестные для носителей другого языка (учитывая, конечно, что понятие «малоизвестный» является относительным и недостаточно строгим) [1, с. 92–94].

2. Так называемые реалии, то есть слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. Сюда относятся слова, обозначающие разного рода предметы материальной и духовной культуры, свойственные только данному народу, например, названия блюд национальной кухни (рус. *щи, борщ, рассольник, квас, калач*; англ. *muffin, haggis, toffee, sundae* и т.д.), видов народной одежды и обуви (рус. *сарафан, душегрейка, кокошник, лапти*), народных танцев (рус. *трепак, гопак*), видов устного народного творчества (рус. *частушки*; англ. *limericks*) и т.п. Сюда же входят слова и устойчивые словосочетания, обозначающие характерные только для данной страны политические учреждения и общественные явления (например, рус. *агитпункт, красный уголок, ударник, дружинник, трудовая вахта*; англ. *primaries, caucus, lobbyist* и т.д.), торговые и общественные заведения (рус. *дом культуры, парк культуры и отдыха*; англ./амер. *drugstore, grill-room, drive-in*) и т.п. [Там же, с. 95].

3. Лексические единицы, которые можно назвать случайными лакунами. Мы имеем в виду те единицы словаря одного из языков, которым по каким-то причинам (не всегда понятным) нет соответствий в лексическом составе (в виде слов или устойчивых словосочетаний) другого языка. Так, например, в словаре английского языка нет единицы, соответствующей по значению русскому *сутки*, так что данное понятие приходится передавать на английском языке описательно: либо путем указания на количество часов, например: *Я приеду через сутки (через двое суток) – ‘I shall come back in twenty-four (forty-eight) hours’*, либо же, если подчеркивается непрерывность, круглосуточность действия, сочетанием *day and night*, например: *Они работали четверо суток – ‘They worked four days and nights’* [Там же, с. 95–96].

Говоря о безэквивалентной лексике и трудностях ее перевода, Е. А. Мисуну определяет данный языковой пласт как «лексические единицы, не имеющие соответствия (эквивалента) в словарном составе другого языка» [2, с. 130–131].

К основным причинам существования безэквивалентной лексики данный автор относит следующие.

1. Наличие в исходной культуре предметов или явлений, отсутствующих в культуре читателя перевода, например: *Yorkshire pudding* – ‘йоркширский пудинг’ (блюдо), *banjo* – ‘банджо’ (музыкальный инструмент) и т.п. Такого рода слова или словосочетания называются реалиями. Реалии отражают национально-культурную специфику и обозначают предметы и понятия, относящиеся ко всем сферам человеческой жизни, так, например, географические реалии (*jungle* – ‘джунгли’, *steppe* – ‘степь’). Эти слова представляют собой часть фоновых знаний, т.е. совокупности представлений о том, что составляет фон, на котором протекает жизнь другого народа, другой страны.

2. Различия в обозначении сходных понятий в английском и русском языках, например: *a fortnight* – ‘две недели’; *decade* – ‘десятилетие’; *24 hours* или *day and night* – ‘сутки’ и т.п.

3. Различия в системах словообразовательных суффиксов английского и русского языков, например, наличие в русском языке большого количества уменьшительных суффиксов и незначительное количество таковых в английском языке (*стульчик* – ‘a little chair’); способность английского суффикса *-er* образовывать существительное – агент действия – не только от глаголов, но и слов, не являющихся глаголами (*a nine-to-fiver* – ‘служащий, работающий с девяти до пяти’, *a wild-lifer* – ‘защитник живой природы’). К таким суффиксам, называемым иногда безэквивалентными, можно также отнести суффиксы прилагательных *-ed*, *-able* (*a mini-skirted girl* – ‘девушка в мини-юбке’; *to say the usually unsayable* – ‘сказать то, о чем обычно умалчивают’), способное выступать в роли суффикса слово *friendly* (*a user-friendly computer* – ‘простой в эксплуатации компьютер’) и т.п. Слова, образованные с помощью таких суффиксов, являются часто окказиональными, т.е. созданными для конкретного случая, и служат для создания иронического или юмористического эффекта, например: *a richly-ringed lady* – ‘дама с унизанными кольцами руками’ [2, с. 130–131].

Однако, если обратиться непосредственно к термину *реалия*, стоит отметить, что как лингвистическое понятие он относится к категории безэквивалентной лексики. Само же понятие *реалия* служит для обозначения предмета или вещи (понятия), которая существует (или существовала) материально. Чаще всего реалии обозначают предметы материальной культуры, которые характеризуют тот или иной народ и выражают национальный колорит. Им также присущ временный колорит: реалии быстро реагируют на изменения в развитии общества. С другой стороны, в переводоведении этим термином обозначают в большинстве случаев слова, называющие упомянутые предметы и понятия. Интересно также то, что данный пласт лексики требует особого подхода при переводе. Так, переводчикам нередко приходится прибегать к пространным описаниям или предлагать собственные неологизмы типа *надземка* – ‘elevated railroad’ (по аналогии со словом

подземка); *виктрола* – ‘Victrola’ (проигрыватель определенной марки; *Victor* – название фирмы, производящей радио- и телеаппаратуру); *букмекер* – ‘bookmaker’ (человек, принимающий заклады от публики на скачках и бегах); *родстер* – ‘roadster’ (двухместная машина с откидным верхом) [3, с. 5].

По сравнению с другими словами языка отличительной чертой реалии является характер ее предметного содержания, т.е. тесная связь обозначаемого реалией предмета, понятия, явления с народом (страной), с одной стороны, и историческим отрезком времени – с другой. Отсюда следует, что реалии присущ соответствующий национальный (местный) или исторический колорит [Там же, с. 7].

Основываясь на изученном материале, полагаем, что наиболее точное определение реалий было выдвинуто С. Влаховым и С. Флориным, согласно которому под реалиями понимаются «слова и выражения, называющие предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального развития одного народа и малознакомые либо чуждые другому народу, выражающие национальный и (или) временной колорит, не имеющие, как правило, точных соответствий в другом языке и требующие особого подхода при переводе» [4, с. 32].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бархударов, Л. С.* Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отнош., 1975. – 240 с.
2. *Мисуно, Е. А.* Перевод с английского языка на русский язык : практикум : учеб. пособие / Е. А. Мисуно, И. В. Шаблыгина. – Минск : Аверсэв, 2009. – 255 с.
3. *Томахин, Г. Д.* Реалии-американизмы : пособие по страноведению / Г. Д. Томахин. – М. : Высш. шк., 1988. – 234 с.
4. *Влахов, С.* Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Междунар. отнош., 1980. – 343 с.

The article elucidates the problem of translation equivalence and culture-specific elements as a special class of vocabulary having no direct equivalents in the target language.